

*Екатерина Владимировна Давыдова
Российский университет дружбы народов, Москва*

А. А. ГУГНИН И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ОТКРЫТОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ВЗГЛЯД СТУДЕНТА

Аннотация. *Статья посвящена педагогической деятельности выдающегося литературоведа А. А. Гугнина в МГОПУ (Московском государственном открытом педагогическом университете) с 1992 по 2000 годы по преподаванию дисциплин, особенностям общения со студентами, стилю руководства дипломниками и аспирантами. Работа основывается на личных воспоминаниях автора и носит эссеистский характер.*

Ключевые слова: *А. А. Гугнин, МГОПУ, зарубежная литература, историко-контекстуальный метод.*

Abstract. *The article is devoted to the pedagogical activity of the outstanding literary critic A. A. Guginin at Moscow State Open Pedagogical University from 1992 to 2000 in teaching disciplines, peculiarities of communication with students, leadership style of graduate students and postgraduates. The article is based on the author's personal memoirs and has the character of an essay.*

Keywords: *A. A. Guginin, MSOPU, foreign literature, historical and contextual method.*

Московский государственный педагогический университет (МГОПУ) был основан в 1951 г. как Московский государственный заочный педагогический университет (МГЗПИ), с 1987 г. в нем открылись дневные отделения на ряде факультетов, включая филологический. В 1992 г. он был переименован в МГОПУ, в 2000 г. получил имя М.А. Шолохова, еще через 6 лет, в 2006 г., был переименован в Московский государственный гуманитарный университет (МГГУ), пока в 2015 г. не произошло его слияние с Московским государственным педагогическим университетом (МПГУ).

Время работы А. А. Гугнина в МГОПУ – это период с 1992 по 2001 годы. Как это ни парадоксально, но 1990-е гг. были интереснейшим, уникальным и весьма плодотворным периодом для отечественного образования. С одной стороны, были по-прежнему сильны традиции советской академической школы, с другой – в учебные заведения попадали новые идеи, методики, экспериментальные курсы. Это была период авторских программ и нестандартных поисков. Также это было время,

когда в вузы приглашались ведущие специалисты из академических научно-исследовательских институтов. И этот период был временем расцвета филологического факультета МГОПУ.

Студенты, поступившие в МГЗПИ в 1991 г., могли услышать лекции выдающихся отечественных филологов: М. В. Панова, В.Н. Телии, Е. Н. Ширяева, Г. Я. Со-лганика, Ю. Г. Круглова – и это лишь некоторые имена.

Одной из любимейших кафедр была кафедра зарубежной литературы. В 1992 г., когда на кафедру пришел преподавать А. А. Гугнин, там работали Е. В. Жаринов, М. Б. Ладыгин и В. В. Папсуев – авторы учебников, хрестоматий, по-своему уникальные преподаватели, литературоведы, возможно, со спорными позициями, но, безусловно, яркие интересные личности и блистательные ораторы. Их лекции по зарубежной литературе слушались студентами с огромным интересом, ведь зарубежная литература была для вчерашних школьников во многом terra incognita, которую только предстояло открыть. И на этом фоне в МГОПУ пришел работать А. А. Гугнин. Так случилось, что мы – мой курс – стали первыми студентами Александра Александровича в МГОПУ, или, как он говорил, студентами «первого призыва».

Очень хорошо помнится первое знакомство с А. А. Гугниным. Надо сказать, что на кафедре зарубежной литературы в 1991–1992 гг. существовала недолгая, но весьма любопытная традиция: в конце семестра происходило знакомство с преподавателем, который должен был читать лекции в следующем семестре. Это была не просто передача «эстафетной палочки» от одного преподавателя к другому, но и демонстрация преемственности литературных периодов, а также демонстрация сотрудничества между педагогами, служащими одной цели.

Александр Александровичу предстояло читать лекции по зарубежной литературе начала XIX в. – литературе эпохи романтизма. Романтизм, романтический герой, литературная сказка, баллада, романтическая ирония, Гофман, Гауф, Гейне – это были те слова и имена, которые кружили голову и захватывали воображение. Эта первая встреча была словно кроличья нора, которая вела в страну чудес, и куда, подобно Алисе, с радостью и любопытством полетели многие мои сокурсники. Кроме того, А. А. Гугнин ставил и вполне конкретные задачи: он рисовал перспективы курсовых и дипломных работ, публикаций, научного сотрудничества – но для тех, кто будет читать литературу в оригинале. И надо сказать, что для некоторых это послужило стимулом всерьез заняться изучением иностранных языков. Студентам была задана высочайшая планка уважительного отношения к тому материалу, которым предстояло заниматься, ибо невозможно изучать литературу, не зная языка. И это был принципиальный подход Гугнина к изучению литературы.

Очень скоро выяснилось, что А. А. Гугнин – уникальный преподаватель, абсолютно не похожий ни на кого из тех, с кем доводилось встречаться ранее. У него

был свой особенный стиль преподавания. И – самое главное – это был не просто *стиль*, а внутреннее понимание и сути учебного процесса, и сути взаимоотношений со студентами, коллегами, текстом – всем, с чем соприкасается человек, занимающийся литературоведением и преподаванием.

В МГОПУ Гугнин читал самые разные курсы: историю зарубежной литературы XIX в. (и романтизм, и реализм), литературу XX в., вел спецкурсы. Стиль лекций сначала удивлял, потому что Александр Александрович любил чертить какие-то схемы, стрелки, концентрические или пересекающиеся круги; он делал много разнообразных отступлений – сначала было непонятно, к чему все это, но со временем приходило понимание смысла и логики этого действия: взаимосвязи явлений в контексте историко-литературного процесса.

А. А. Гугнин всегда приходил на лекции со стопкой книг со множеством закладок и записок. Во время лекции он открывал книги, листал, показывал, зачитывал цитаты. Он формировал у студентов культ книги – культ, которому сам служил, и ему удавалось по отношению к студентам достичь главной цели: мы уходили с лекций с желанием идти в книжный магазин или в библиотеку и читать, читать и читать.

Маршрут из университета к дому пролегал через книжные развалы, книжные и букинистические магазины, а предметом обсуждения часто становились рассказы о том, где и на каком развале что можно найти. Надо сказать, что начало 1990-х было очень интересным периодом и с точки зрения развития полиграфии: выходили массовыми тиражами книги зарубежных и отечественных авторов, новые переводы, переиздания редких книг – иными словами, это было время книжного бума, когда у каждого выхода из метро были книжные лотки, а многие, наверное, помнят гигантский книжный рынок в Олимпийском в Москве.

Таким образом, книга становилась для нас не просто объектом изучения, а полноправным участником процесса общения. И мы сами приносили те книги, которые любили, которые доставали на развалах или у букинистов, показывали, обсуждали, спрашивали мнение Александра Александровича. Книги становились персонажами рассказов, с ними были связаны какие-то очень личные истории, и каждая книга, даже случайно попадавшая в поле зрения, рождала у Александра Александровича цепочку ассоциаций, отследить которую в полном объеме нам, студентам, еще было недоступно. Например, для меня очень памятно издание Р. Демеля 1914 года. Книгу я получила в подарок, еще будучи школьницей, только начавшей изучать немецкий язык, от друга нашей семьи, известного московского коллекционера Д. Г. Ульмишека. Я принесла эту книгу на семинар, и наметанный глаз Александра Александровича тут же выхватил ее из общих декораций: «Откуда у тебя такое издание? У меня такого нет!» Он с трепетом взял в руки старый томик, и тут же родился монолог о Демеле, берлинских натуралистах, «Пане», Первой мировой, литературной ситуации в кайзеровской Германии... Конечно,

все это не входило в университетскую программу, но бесконечно расширяло размеры той норы, в которую летела Алиса.

Уникальными были зачеты и экзамены. Если студент готов, он, конечно, молодец. Если не готов, обычно преподаватель говорит: «Идите, учите, придете в следующий раз». Гугнин принимал экзамены несколько иначе. Он искренне полагал, что экзамен – это последний шанс у студента получить знания по курсу. Поэтому если студент что-то не подготовил, не прочитал к экзамену, но все же не был безнадежен, он говорил: «Идите... в библиотеку. Читайте, думайте, придете и расскажете, что Вы поняли». Он действительно договаривался с библиотекой, приносил отсутствующие в ней книги, и студенты прямо во время экзамена могли что-то прочитать, с чем-то ознакомиться. Да, конечно, экзамены длились долго, начинаясь утром и заканчиваясь чуть ли не ночью, но это был живой процесс, в котором главным была не оценка в ее цифровом выражении, а развитие личности студента. Безусловно, подобное отношение к учебному процессу налагало и на студентов определенную ответственность. На экзамен к Гугнину просто невозможно было прийти неподготовленным. И вовсе не потому, что кого-то волновала оценка за экзамен. Прийти неготовым было стыдно, считалось чем-то вроде личного оскорбления. Это была высочайшая нравственная планка человеческих отношений, которая была задана Александром Александровичем и которую мы стремились держать.

Уникальными были и семинары у Гугнина. На курсе «первого призыва» сложилась традиция, согласно которой было стыдно на семинаре пересказывать учебник. Вовсе не потому, что учебник плохой. Нет. Учебник не пересказывали потому, что его и так могли все прочитать. Это было нечто само собой разумеющееся, то, что каждый делал самостоятельно, и пересказ учебника считался чем-то вроде неуважения к одногруппникам. Ценилось, если ты на семинаре излагал свое мнение, свой анализ текста, свои выводы, свои наблюдения, собственные «эмпирические импровизации и... соображения» [1, с. 3], как их называл Александр Александрович, ибо назначение семинара – это не проверка знаний, а обмен мнениями. И Гугнин всячески приветствовал и поощрял такой подход. Если студент выражал свою позицию – пусть не додуманную до конца, подчас сумбурную, излишне амбициозную или наоборот очевидную, но все же *свою*, – этот студент сразу становился *гениальным*. Мы все были гениальные – все, кто думал, анализировал, сопоставлял. И Александр Александрович умел слушать и *слышать* студента и находить в каждом ответе рациональное зерно, вычленять его и показывать пути, каким образом эту идею можно развить. Конечно, самооценка юных гениев взлетала до небес, но вместе с тем взлетало до небес и желание читать, искать тексты, думать, сопоставлять. Поражал энциклопедизм Александра Александровича, потому что, какую тему ни возьми, он всегда ее знал, он всегда

называл множество имен, о которых мы вообще никогда не слышали. Это поражало и вдохновляло. И вместе с тем перед студентами вживую вырисовывался тот **историко-контекстуальный метод** литературоведения, которым пользовался А.А. Гугнин и которому учил нас: рассматривать любое литературное явление в широком контексте истории, философии, литературы и культуры в целом.

Семинары рождали новые идеи. И особое место занимал семинар по магическому реализму, который собрал, наверное, самые интересные студенческие кадры «первого призыва». Кроме установочных лекций, которые читал Александр Александрович, каждый студент мог выступить с сообщением, докладом, репликой о любом авторе и тексте, если видел в них хоть какие-то параллели с магическим реализмом. Это была кузница идей и школа компаративистики, которую отдельно не читают в вузе, но которой мы учились здесь же, в процессе сопоставления текстов. Тематика была чрезвычайно широка: традиции буддизма и средневековой мистики, готика и романтизм, авангард и символизм, Майринк и Иво Андрич, Кафка и Гессе, Казак и Гарсиа Маркес, Борхес и Карпентьер и многие другие. Из этого семинара вырастали дипломные работы, статьи, в последствие и темы диссертаций. И особой гордостью для студентов «первого призыва» является монография А. А. Гугнина «Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления», посвященная студентам: *«Студентам ... терпеливо (или с энтузиазмом) посещавшим спецкурс «Магический реализм в контексте литературных и художественных течений XX века», основным принципом которого были эмпирические импровизации автора, сопровождавшиеся не менее эмпирическими соображениями студентов. Славное было время...»* [1, с. 3].

Уникальным был и процесс работы над дипломами. Гугнин давал студентам свободу выбора темы, свободу ее разработки, чутко направляя и давая советы о том, что можно почитать, с чем сопоставить текст. Приветствовались самостоятельные идеи и начисто отвергалось переписывание чужих источников. Обсуждение дипломных работ тоже было увлекательнейшим процессом. Когда дипломники приходили на кафедру, то никто не стоял под дверью в ожидании своей очереди. На кафедру заходили всей толпой, теснились в крохотной комнатке. В процессе обсуждения каждой работы любой студент мог вставить свои реплики, предложения, замечания, наблюдения. Это была та кухня, в которой варились не только идеи, но и навыки обсуждения, дискуссии, сопоставительного анализа, навыки применения историко-контекстуального метода на практике. Литературоведение было страстью, которая нас объединяла, и Александр Александрович был идейным вдохновителем этого процесса.

С 1996 г. на кафедре зарубежной литературы МГОПУ была открыта аспирантура, и первыми аспирантами А. А. Гугнина стали Л. П. Шаманская, Д. П. Рысаков,

Е. В. Давыдова. Александр Александрович нас называл «аспирантами первого призыва». Конечно, обучение в аспирантуре – это отдельная глава деятельности Гугнина в МГОПУ. Память о тех временах – это серия монографий его учеников [2], [3], [4], [5], [6]. А.А. Гугнин работал в тот период не только в МГОПУ, но и в Институте славяноведения РАН, и монографии аспирантов выходили тогда в учрежденных им сериях «Доклады научного центра славяно-германских исследований», «Монографии научного центра славяно-германских исследований» и «Материалы научного центра славяно-германских исследований». Александр Александрович вообще считал своим долгом выпускать аспиранта на защиту диссертации не просто с наличием публикаций, но еще и с опубликованной монографией.

Защиты «аспирантов первого призыва» состоялись в марте 2001 г. в МГОПУ. Были защищены две первые диссертации: Л. П. Шаманской «Жуковский и Шиллер: поэтический перевод в контексте русской литературы» [7] и Е. В. Давыдовой «Творчество Новалиса в контексте русской литературы XX века» [8].

Уникальным уроком отношения к своему делу стали и примеры оппонирования диссертаций. Александр Александрович старался знакомиться с диссертацией, которую предстояло оппонировать, не в последний момент, а заранее, чтобы была возможность внести какие-то правки, дополнения, корректировки. Опять-таки, главное в этой работе было не вынести вердикт, достойна ли работа присуждения ученой степени кандидата наук или не достойна, а подготовить действительно качественную работу. И это приоритеты истинного ученого.

Таким образом, Гугнин проводил огромную научно-педагогическую работу на кафедре зарубежной литературы МГОПУ. Когда Александр Александрович возглавил кафедру, у него возникло множество идей. И одной из таких идей стала конференция, посвященная проблемам истории литературы. Первая из таких конференций прошла еще в 1994 г. Сначала это было расширенное заседание кафедры, где выступали с докладами преподаватели кафедры и студенты. Через год это уже была кафедральная конференция, а еще через год – межвузовская научная конференция, на которую приезжали выступать коллеги из других университетов. В 1996 г. был выпущен первый сборник статей – материалов конференции [9]. Сборники издавались сначала в Москве, затем, после того как Александр Александрович переехал в Полоцк, конференция приобрела настоящий размах, стала международной, сборники выходили уже в Новополоцке.

В сердцах студентов и аспирантов «первого призыва» навсегда останется имя Александра Александровича Гугнина – выдающегося литературоведа, слависта, германиста, переводчика, поэта, Учителя. Александр Александрович был удивительным человеком, который не только умел собирать вокруг себя талантливых и интересных людей. Он умел слушать и слышать, мотивировать и направлять. Он умел не видеть преград и идти своим путем. Почему было так? Было ли

бунтарство? Вряд ли. Просто люди часто сами воздвигают стены и строят преграды там, где их нет. Александр Александрович не строил стен между собой и коллегами, аспирантами, студентами. Он объединял нас всех в единый мир – мир литературоведов, единомышленников, мир любителей КНИГИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гугнин, А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (Феномен и некоторые пути его осмысления) / А. А. Гугнин – Москва: Научный центр славяно-германских исследований ИС РАН, 1998. – 117 с.
2. Шаманская, Л. П. Жуковский и Шиллер: поэтический перевод в контексте русской литературы: Монографическое исследование / Л. П. Шаманская. – М.: Б.и., 2000. – 96 с.
3. Давыдова, Е. В. Голубой цветок и русский символизм: творчество Новалиса в контексте русской литературы XX века / Е. В. Давыдова. – М.: Научный центр славяно-германских исследований ИС РАН, 2001. – 76 с.
4. Рысаков, Д. П. Ф. Кафка и Ф. М. Достоевский: феноменальная рецепция русского реалистического романа («Процесс» – «Преступление и наказание») / Д. П. Рысаков. – М.: Научный центр славяно-германских исследований ИС РАН, 2002. – 92 с.
5. Ковылин, А. В. Русская народная баллада: происхождение и развитие жанра / А. В. Ковылин. – М.: Институт славяноведения, 2002. – 180 с.
6. Райнеке (Виноградова), Ю. С. Исторический роман постмодернизма (Австрия, Великобритания, Германия, Россия) / Ю. С. Райнеке. – М.: Научный центр славяно-германских исследований ИС РАН, 2002. – 117 с.
7. Давыдова, Е. В. Творчество Новалиса в контексте русской литературы XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01, 10.01.03 / Е. В. Давыдова. – Москва, 2001. – 192 л.
8. Шаманская, Л. П. В. А. Жуковский и Ф. Шиллер: Поэтический перевод в контексте русской литературы: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01, 10.01.03 / Л.П. Шаманская. – Москва, 2001. – 185 с.
9. Проблемы истории литературы. Сборник статей. – Выпуск первый. – М.: Институт славяноведения РАН, 1996. – 128 с.